

Цена 2 руб.

НАРОДНАЯ
БИБЛИОТЕКА

№ 140.

А. С. Пушкин.

СТИХОТВОРЕНИЯ О СВОБОДЕ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Валерия Брюсова.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.—1919.

45/28

НАРОДНАЯ
БИБЛИОТЕКА.

А. С. Пушкин.

СТИХОТВОРЕНИЯ О СВОБОДЕ.

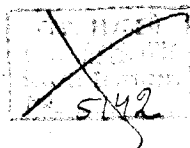
ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Валерия Брюсова.

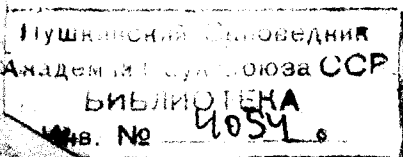
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА. — 1919.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не
может быть повышена

Государственное Издательство.

Вторая Государственная типография, Троцкий, 9.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ПУШКИНА.

Краткий очерк.

Наш великий поэт Александр Сергеевич Пушкин родился (28 мая 1799 года) и вырос в московской дворянской семье¹ и в детстве, естественно, разделял сословные предрассудки той среды, которой был окружен. Но еще на школьной скамье, в последнем классе Царскосельского Лицея, Пушкин сошелся с кружком «либералов» того времени. Школьное начальство космострело на Пушкина за высказываемые им политические и особенно религиозные взгляды. Для выпускного экзамена его даже заставили, в виде наказания, написать стихи о вреде «безверия». По выходе из Лицея Пушкин еще целю увлекся «либерализмом» и, с жаром новичка, в разговорах, в письмах и в стихах поносил «деспотизм». Тогда же Пушкин вступил членом в общество «Зеленая Лайпа», которое (как теперь выяснено) находилось в связи с тайными освободительными обществами.

Первоначально Пушкин держался, впрочем, весьма умеренных убеждений. Его мечты не шли дальше конституционной монархии. Он верил, что «закон» есть «надежный страж» народной свободы. В этом духе, вскоре по выходе из школы, написана Пушкиным ода «Вольность» и стихотворение «Деревня». В этих произведениях Пушкин еще обращается к «царям» с призывом—опереться на закон, дать свободу крестьянам и т. под. Но такое настроение длилось у Пушкина недолго (менее года).

Уже в стихах Пушкина конца 1818 г. и затем 1819 и 1820 гг. преобладают совершенно другие мысли. Юноша-поэт (Пушкину было лет 19—20) из опыта действительной жизни узнал и глубоко почувствовал всю чудовищность русского самодержавия. В своих эпиграммах Пушкин стал беспощадно клеить всех низких приспешников царизма, в роде Аракчеева, кн. А. Н. Голицына, Фотия и др., не пощадил и Карамзина. Эти эпиграммы читались с жадностью, расходились в сотнях списков и сделали

¹ Краткий очерк жизни Пушкина см. в издании «Народной Библиотеки»: А. С. Пушкин, «Стихотворения 1815—1836 г.».)

имя Пушкина известным не менее, нежели его на шумевшая поэма «Руслан и Людмила». И сам Пушкин называл себя в те годы «певцом свободы».

Постепенно Пушкин сделал и последний вывод: убедился, что в России нет другого пути к истинной свободе народа, как через насильственное уничтожение самовластья царя Воле «Вольность» Пушкин еще осуждал казнь Людовика XVI и, отчасти, даже убийство Павла I (хотя прямо изывает его: «увенчанный злодей»). Теперь же Пушкин стал прославлять кинжал, как «последнего судию». Самое стихотворение «Кинжал» написано позже (в 1821 г.), но мысли, выраженные в нем, Пушкин устно высказывал много раньше. Так, напр., однажды в театре он всем показывал портрет Занда, немецкого студента, заколовшего ярого реакционера Коцебу, и открыто восхищался таким поступком.

Пушкин страстно желал вступить в одно из тайных освободительных обществ, о существовании которых ему было известно. Многие близкие друзья Пушкина были членами этих обществ и впоследствии играли видные роли в революции 14 декабря 1825 г., в том числе—И. И. Пущин и В. К. Кюхельбекер. Но именно эти друзья и не допустили Пушкина в тайное общество: они желали сберечь в Пушкине его поэтический талант. Пущин в своих записках прямо говорит, что закосы были соблазнами его самого и его товарищей. Будущее показало, что в известном отношении они были правы: если бы Пушкин был в числе декабристов, он, конечно, попал бы, как Рылеев, на виселицу или, как Пущин, Кюхельбекер и др.—в Сибирь.

Все же гроза не миновала Пушкина: об его стихах донесли царю (Александру I). Тот нашел их настолько опасными, что хотел сослать Пушкина в Сибирь или в Соловецкий монастырь: юношу-поэта от такой кары спасло только заступничество другого поэта, В. А. Жуковского, пользовавшегося влиянием при дворе (он был воспитателем наследника). Наказание было смягчено, и Пушкина только сослали служить на юг, сначала в Кишинев, потом в Одессу. Когда же Пушкин не поладил со своим начальником, гр. Воронцовым (которого в одной эпиграмме называет «полу-подлец»), вышло новое распоряжение: отправить Пушкина в деревню его отца без права выезда оттуда. В этой деревне, Михайловском-Зуеве, Псковской губернии, Пушкин прожил до конца царствования Александра I,—два года злая зимой в плохом, тем, холодном домишке, наедине со старухой-няней.

Жизнь сначала на юге России, потом в ссылке в Михайловском, Пушкин продолжал гнать в том же духе, как ранее, но только стал осторожнее в распространении своих рукописей. К

этой поре относится ряд стихотворений Пушкина, горячо приветствующих различные революционные движения в Европе, большая поэма, зло высмеивающая религию, а попутно—и самовластие, «Гаврилинада», стихотворение «Кинжал», ода «Наполеон», восторженно говорящая о «великом, неизбежном» дне свободы, и т. под. Очень вероятно, что многое из написанного Пушкиным в эти годы до нас не дошло; опасаясь обысков, он вырвал много страниц из своих тетрадей, а в его одиночестве не было поблизости друзей, которые могли бы сберечь однажды написанные стихи. Образ мыслей Пушкина выступает и из его «прошений» о помиловании, написанных в это время. Как ни принуждал себя Пушкин, он не мог написать к царю иного, кроме следующих слов: «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про-самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости». Сказать кстати, Пушкин не возлагал больших надежд на помилование со стороны Александра I и готовился тайно бежать из России за границу.

Обстоятельства неожиданно переменились со смертью Александра и вступлением на престол Николая Павловича. Произошла «декабрьская революция», произведшая на Пушкина сильнейшее впечатление. Кроме того, что в ней участвовал длинный ряд друзей Пушкина, его поразило, что движение не имело успеха, что народные массы не примкнули к декабристам. В тетрадях Пушкина уцелело много замечок, относящихся к 14 декабря, между прочим—рисунок виселицы с подписью: «И я мог бы, как тут...»¹ Тем временем новый царь, перевешав и сослав декабристов, вспомнил о сосыльном поэте и послал фельдъегеря с приказом—немедленно привезти Пушкина в Москву. Его действительно повезли немедленно, едва дав время одеться, а в Москве представили прямо царю. С этого начинается новый период в жизни Пушкина.

Николаю I хотелось играть роль «покровителя наук и искусств», в роде Людовика XIV во Франции или Августа в древнем Риме. Пушкин казался царю подходящим украшением для его двора. Поэтому Николаю «милостиво» объявил Пушкину, что «прощает» его, позволяет ему жить где угодно и «освобождает» от цензуры. Все это, конечно, оказалось обманом. Прощенный Пушкин был тотчас отдан под надзор полиции; получив позволение жить «где угодно», Пушкин, как скоро выяснилось, должен был испрашивать особое позволение на каждую свою поездку; освобожденный от цензуры, Пушкин поставлен был под такую тройную

¹ С. А. Венгеров читает: «как шут», но мы убеждены, что Пушкиным написано: «как тут».

цензору («3-его отделения» и самого царя), что впоследствии, как о милости, молил—о позволении ему печатать «просто» о разрешения цензора! К тому же царь, желая «отечески» заботиться о поэте, как о ребенке, поручил его шефу (начальнику) жандармов Бенкендорфу, как «лицу, к которому питает особое доверие». Пушкину пришлось чуть ли не за всем обращаться к Бенкендорфу,—за разрешением на поездку, на издание книги, на прод жу имения, на женитьбу и т. д. Бенкендорф же, при случае, делал Пушкину самые оскорбительные выговоры, напр., писал ему: «Вы обманули доверие» и т. под.

Вся вторая половина жизни Пушкина прошла в таких отношениях к правительству. Едва поэт куда-нибудь уезжал, летели следом предписания местным властям—зорко следить за ним и доносить о каждом его шаге. Вся переписка Пушкина «перлюстрировалась», т.-е. вскрывалась и прочитывалась жандармами, даже его письма к жене и ее к нему. Каждый день Пушкин мог ждать обыска. Он не смел хранить у себя дома даже свои стихи. Одно «вольное» стихотворение, которым Пушкин дорожил, он принужден был записать особым шифром и только в таком виде решился оставить в своих бумагах. Дважды по поводу стихов Пушкина (отрывок из «Андрея Шенье» и «Гаврилиада») начиналось судебное дело: поэта призывали к допросу и грозили ему вновь ссылкой, по его выражению, «прямо, прямо на Восток», т.-е. в Сибирь, и т. под. При всем том царь непременно требовал, чтобы Пушкин оставался в Петербурге при дворе, не позволял, напр., поэту ехать за границу, как он того просил.

Все это создало прямо невыносимые условия жизни для поэта. Когда он женился, жизнь в столице, при дворе, стала ему не по средствам. Долги стали расти с каждым днем; приходилось продавать и закладывать домашние вещи,—шали жены, серебро,—брать займы под тяжелые проценты, и т. д. Ко дню смерти Пушкина эти долги достигли суммы свыше 120.000 рубл.,—в том числе и мелкие: в лавочку, лакею и т. д. Пушкин несколько раз просил позволения уехать хотя бы в деревню, но опять получил отказ. Будущее представлялось безвыходным и не сулило ничего, кроме тягостного пребывания при дворе, на удовольствие царю, желавшему иметь «собственного великого поэта». В значительной мере, трагическая смерть Пушкина объясняется этими обстоятельствами его жизни. Поэт почти-что «искал смерти», как единственного выхода из тисков, куда загнала его милость царя.

При таких условиях трудно ожидать, чтобы Пушкин оказался ревностным приверженцем русского правительства. Однако существует довольно распространенное мнение, будто Пушкин во вторую половину жизни совершенно изменил свои убеждения, стал реакционером и сторонником царизма. Мнение это осно-

вывалось, главным образом, на внешних обстоятельствах,—на том, что Пушкин бывал при дворе, встречался с царем и даже (что самого поэта приводило в бешенство) был пожалован, словно мальчик, «камер-юнкером». В действительности все это происходило вовсе не по желанию Пушкина. Его держали в Петербурге, при дворе, как почетного пленника, и он страстно желал освободиться от «милостей» царя... Впрочем, есть и другие причины, почему сложилось неверное представление о Пушкине последних лет его жизни.

Во-первых, о том постарались первые биографы Пушкина. Жуковский, составляя для царя доклад о смерти поэта, сочинил целую сказку: что Пушкин на смертном одре раскаялся, примирился с небом, говорил умильные слова о царе и т. д. Теперь доказано,¹ что это просто сочинено Жуковским, о «добром намерении» расположить царя в пользу семьи Пушкина, оставшейся без всяких средств (в доме нашлось всего 30 рублей!). В том же духе писал первый биограф Пушкина, Анненков, который выставлял его во вторую половину жизни ревностным приверженцем правительства, чтобы таким способом провести сквозь цензуру свою биографию. Между тем рассказам Жуковского и Анненкова долгое время все верили. Во-вторых, сам Пушкин после 1826 г. стал очень осторожен. В письмах он перестал говорить с прежней откровенностью; в стихах решался выражаться лишь намеками; многие свои произведения уничтожал или записывал шифром. Только в наше время, когда началось научное изучение Пушкина и его рукописей, удалось восстановить его подлинный образ. До последнего времени намеки поэта оставались непонятыми, а кое-что, и очень важное в этом отношении из его сочинений (напр., глава X «Евгения Онегина»), и вовсе неизвестным.

Ныне мы уже можем смело утверждать, что Пушкин никогда не был «реакционером», никогда не продавал своего пера царю. После 1825 г. Пушкин начал по-иному смотреть на некоторые политические и общественные вопросы. Но неверно, будто он «изменил» убеждениям юности и стал угодником правительства: это—клевета на великого поэта. Правда только то, что Пушкин во многом разочаровался. Ему казалось, что неуспех декабристов доказывает неподготовленность русского народа к свободе. Неуспех ряда европейских революций (неаполитанской, испанской, потом французской 1830 г.) утвердил Пушкина в таком мнении. Он стал думать, что освобождение народов—дело очень отдаленного будущего. «И долго ваш ярем не треснет!» горько писал он о народах. В России же поэт видел полное торжество

¹ П. Е. Щеголевым.

реакции и самовластья, доведенного Николаем I до высшей степени: все кругом молчало, все подчинялось. И, сообразно с этим, Пушкин как бы отказался от борьбы: он всецело отдался научным и литературным работам. То было поприще, на котором он надеялся быть полезным России и русскому народу, а политику он предоставил другим... И только отдельные стихи, случайные вспышки, показывают, что глубоко в душе Пушкин до конца жизни таил свой юношеский идеал «свободы». ¹

В предлагаемой книжке собраны стихи Пушкина «о свободе», взятые из разного времени деятельности поэта. Эти стихи показывают, что, хотя Пушкин, может быть, и не имел определенной социальной программы, он всегда оставался верен одному чувству: ненависти и глубокому презрению к самовластью, в частности — к русскому царизму. Несмотря на все временные «уклонения» своей впечатлительной души, Пушкин пронес это чувство от своих юношеских эпиграмм до горьких строк X главы «Евгения Онегина», написанной уже в последние годы жизни.

Собранными здесь стихами далеко не исчерпывается все, что Пушкин писал по политическим и общественным вопросам. Но многие стихотворения потребовали бы слишком подробных объяснений, чтобы установить их истинный смысл; ² другие слишком велики по размерам (повесть «Медный Всадник») и т. д. К стихам несомненно Пушкина мы прийодинили и те, которые в конце 10-х и в 20-х годах ходили под его именем в списках, поместив, впрочем, эти стихи в особый отдел.

Валерий Брюсов.

¹ Все сказанное здесь вкратце будет подробно выяснено во вступительной статье того же автора к III тому «Полного собрания сочинений Пушкина», изд. Литературно-Издательского Отдела Н. К. П.

² Напр. «Клеветникам России»,—стихотворение, обращенное к говорунам французской палаты депутатов («народные витии»), а отнюдь не к польскому народу, борющемуся за свою свободу. Таков же смысл стихотворения «Бородинская Годовщина», тоже обращенного к «мутителям палат». (Кстати сказать, французские палаты были тогда, в 1830 г., узко-буржуазного состава). О польском народе Пушкин, в этих стихах, прямо говорит что он—

...не услышит песнь обиды
От лиры русского певца.

*И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я Свободу
И милосердие воспел.*¹

А. С. Пушкин.

I. ОДЫ И СТИХОТВОРЕНИЯ.

ВОЛЬНОСТЬ.

Ода.²

1.

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!³
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?⁴
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру,⁵
Хочу воспеть я Вольность миру,
На троне поразить порок.

¹ Из стихотворения «Памятник», по первоначальному (черновому) наброску. См. в издании «Народной Библиотеки» книжку: А. С. Пушкин, «Стихотворения 1815—1836 года».

² В других списках озаглавлено: «Ода на свободу», и в самой оде слово «вольность» заменено словом «свобода», напр.:

Хочу воспеть Свободу миру!

³ Царица Цитеры—Венера, богиня любви (которой был посвящен строк Цитера).

⁴ Певица свободы—революционная поэзия.

⁵ Венок—слава, которая уже окружала тогда (в 1817 г.) юношу-Пушкина, как автора нескромных стихотворений («изнеженная лира»).

2.

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,¹
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Любимцы ветреной судьбы,
Тираны мира, трепещите!
А вы—мужайтесь и внемлите:
Восстаньте, падшие рабы!

3.

Увы! куда ни брошу взор,
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы.
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений,
Повсюду рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

4.

Лишь там, над царскою главой,
Народов не слышно страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье,
Где всем простерт их твердый щит,
Где, сжатый верными руками,
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит—

5

И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.

¹ Галл—француз. Пушкин хочет идти по следам французского революционного поэта Экушара-Лебрена.

Владыки! вам венец и трон
Дает закон, а не природа,
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

6.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О, мученик ошибок славных,
За предков, в шуме бурь недавних,
Сложивший царскую главу.¹

7.

Восходит к смерти Людовик:²
В виду безмолвного потомства,
Челом развенчанным приник
К кровавой плахе вероломства.
Молчит закон, народ молчит,
Падет преступная секира,
И се—злодейская порфира
На галлах скованных лежит.³

8.

Самовластительный злодей,
Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей,
Я с злобной радостью увижу!

¹ Людовик XVI, французский король, казненный во время Великой французской революции. Человек бесхарактерный и не умный, он, действительно, расплачивался преимущественно за грехи предков, особенно предшествовавших двух королей— Людовигов XV и XIV.

² Он же.

³ Т.-е. порфира Наполесна I. Пушкин хочет сказать, что казнь короля не избавила французов от самовластья.

Читают на твоём челе
Печать проклятия народы;
Ты ужас неба, срам природы,
Упрек ты Богу на земле.

9.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сияет
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,—
Глядит задумчиво певец
На грозный, спящий средь тумана,
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец.¹

10.

Он слышит Клии² мрачный глас
Над сими страшными стенами,
Калигулы³ последний час
Он видит живо пред очами...
Он видит: в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны:
На лицах дерзость, в сердце страх!⁴

11.

Молчит неверный часовой,
Опущен тихо мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной.

¹ Дворец императора Павла I, называвшийся потом «Михайловский замок», где Павел был убит.

² Глас Клио—голос истории (Клио, у древних,—муза истории).

³ Калигула—император древнего Рима, убитый так же, как Павел I.

⁴ Павел был убит заговорщиками из среды знатных приворных.

О стыд, о ужас наших дней!
Как звери вторглись янычары.¹
Падут бесславные удары,
Погиб увенчанный злодей.

12.

И днесь учитесь, цари!
Ни наказанья, ни награды,
Ни мрак темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды!
Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов—вольность и покой!

1817.

ДЕРЕВНЯ.

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья!
Я твой: я променял порочный двор царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,²
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,

¹ Янычары—собой отряд в турецком войске, который был известен своей беспощадностью.

² Пушкин говорит вообще о поэте, уединившемся в деревню, а не лично о себе, так как ему в то время, когда писалось это стихотворение, вовсе не случалось бывать при «порочном дворе царей» и забавляться «роскошными пирами».

Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты...
Везде следы довольства и труда.
Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учусь в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе,
И не завидовать судьбе
Злодея или глупца в величии неправом.
Оракулы веков,¹ здесь вопрошаю вас!
В уединении величавом
Слышнее ваш отрадный глас;
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой.

¹ Оракулы веков — великие писатели прошлого времени, произведение которых Пушкин тщательно изучал.

И труд, и собственность, и время земледельца;
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам

Неумолимого владельца.

Здесь тягостный ярем до гроба все влекут;
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут

Для прихоти развратного злодея;
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собою множить
Дворовые толпы измученных рабов.

О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне в удел витийства ¹ грозный дар?
Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?

1819.

КИНЖАЛ.

Для рук бессмертной Немезиды
Лемносский бог тебя сковал, ²
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды!

Где Зевса гром молчит, где дремлет меч закона, ³
Свершитель ты проклятий и надежд;
Таишься ты под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.

¹ *Витийство*—ораторское искусство, умение говорить убедительно.

² *Немезида*—богиня возмездия, отмщения. *Лемносский бог*—Вулкан, бог-кузнец.

³ *Зевса гром*—божний гром.

Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И, озираясь, он трепещет
Среди своих пиров.

Везде его найдет удар надежный твой:
На суше, на морях, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе нег, в семье родной.

Шумит под Кесарем заветный Рубикон,
Державный Рим упал, главой поник закон,
Но Брут восстал вольнолюбивый...
Ты Кесаря сразил,—и мертв объемлет он
Помпея мрамор горделивый. ¹

Исчадье мятежа подьѐмлет злобный крик;
Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник. ²

Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал:
Но высший суд ему послал
Тебя и деву-Эмениду... ³

¹ Кесарь (или Цезарь) нарушил законы республики, перейдя через реку Рубикон, бывшую границей вверенных ему областей, и затем захватил верховную власть в Риме, стал его первым «императором». Против Цезаря составилсѧ заговор республиканцев, с Брутом во главе, и Цезарь был заколот в заседании сената. Рассказывают, что Цезарь пал мертвым к подножью статуи Помпея, бывшего вождя сенатской (республиканской) партии.

² Палач уродливый—Марат, один из главных деятелей террора 1793 г. во время Великой французской революции (см. следующее стихотворение). Марат был убит (заколот кинжалом в ванне) девушкой Шарлоттой Кордэ.

³ Аид—ад; Эменида—богиня мести (здесь разумеется Шарлотта Кордэ).

О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе,¹
Но добродетели святой
Остался глас в казенном прахе

В твоей Германии ты вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной силе, —
И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал.

1821.

НАПОЛЕОН.

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек,
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осужденный,
Могучий баловень побед,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаёт.

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн.
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных волн!
Великолепная могила...
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почилла,
И луч бессмертия горит.

¹ Занд — немецкий студент, закованный в кандалы Кошебу, ревностного поборника реакции, бывший с кинжалом на службе у русского правительства.

Пушкинский наследник
Академии наук СССР
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 4054

Давно ль орлы твои летали¹
Над обесславленной землей?
Давно ли царства упали
При громах силы роковой?
Послушны воле своенравной,
Бедой шумели знамена,
И налагал ярем державный
Ты на земные племена.

Когда, надеждой озаренный,
От рабства пробудился мир,
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир;²
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал,³
И день великий, неизбежный,
Свободы яркий день вставал;

Тогда, в волнение бурь народных,
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой;
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил;
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил.

¹ Орлы были украшением на знаменах в армии Наполеона.

² Галл — француз; говорится о Великой французской революции.

³ Царский труп — Людовика XVI.

Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья.
Их цепи лаврами обвил.

И Франция, добыча славы,
Пленный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.
Ты вел мечи на пир обильный;
Все пало с шумом пред тобой:
Европа гибла; сон могильный
Носился над ее главой.

Сбылось! В величии постыдном,
Ступил на грудь ее колосс! —
Тильзит, — при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс, — ¹
Тильзит надменного героя
Последней славой венчал,
Но скучный мир, но хлад покоя
Счастливец душу волновал.

Надменный, кто тебя подвигнул,
Кто обуял твой дивный ум?
• Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара ²
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал...

¹ Росс—русский. В *Тильзите* был подписан в 1807 г. мир, позорный для России.

² Пожар—Москвы в 1812 г. Пушкин разделял мнение, что русские не меренно сожгли Москву.

Россия, бранная царица,
Вспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица! ¹
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие:
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война—по гроб наш договор.

Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец, ²
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.
Бежат Европы ополченья, ³
Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

И все, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Вослед тирану полетело,
Как гром, проклятие племен,
И длань народной Немезиды ⁴
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Оплачены тебе, тиран!

¹ При *Австерлице* (Аустерлице) Наполеон одержал в 1805 г. большую победу над русско-австрийской армией.

² *Железный венец*—особая корона, которой короновался Наполеон и в которую, будто бы, вделан гвоздь господень.

³ *Европы ополченья*—армия Наполеона, в которой были представители народов чуть ли не всей Европы.

⁴ *Немезида*—возмездие, см. раньше.

Искуплены его стяжання
И зло воинственных чудес
Тоскою душного изгнания,
Под сенью чуждою небес.¹
И знойный остров заточенья
Полнощный парус посетит,²
И путник слово примиренья
На оном камне начертит,

Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один, о милом сыне
В уныньи горьком думал он.

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал,
И миру вечную свободу³
Из мрака ссылки завещал.

1821.

¹ На острове святой Елены, близ берегов Африки, куда был сослан Наполеон и где умер.

² Полнощный—северный.

³ Таков, действительно, смысл некоторых мест в записках Наполеона, диктованных им на острове святой Елены.

ВАДИМ.

(Отрывок из неоконченной драмы).

Пушкин в 1822 г. задумал и начал писать драму (оставшуюся неоконченной) из истории Новгорода. Героем драмы должен был стать *Вадим*, по преданию, подготавливавший в древнем Новгороде, который ранее был свободным городом, восстание против чужеземного владычества *варягов*, т.-е. скандинавов. *Рогдай*—друг Вадима.

Вадим.

Я ждал тебя, Рогдай! Скорей, какую весть
О нашей родине ты можешь мне принести?
Ты видел Новгород, ты слышал глас народа;
Скажи, Рогдай, жива ль славянская свобода?
Иль князя чуждого покорные рабы
Решились оправдать гонение судьбы?

*

Рогдай.

Вадим! надежда есть. Народ нетерпеливый,
Старинной вольности питомец горделивый,
Досадую влачит позорный свой ярем.
Как иноземный гость, неведомый никем,
Являлся я в домах, на стогнах и на вече: ¹
Вражду к правительству я зрел на каждой встрече.
Уныние везде: торговли шум утих,
Встревожены умы, — и пламя тлеет в них.
Младые граждане кипят и негодуют.
Вадим! они тебя с надеждой именуют...

¹ *Стогны*—площади (старинное слово). *Вече*—народное собрание, которое ранее и управляло в Новгороде.

Вадим.

Безумные! давно ль они в глазах моих
Встречали торжеством властителей чужих
И вольные главы под иго преклоняли?
Изгнанию моему давно ль рукоплескали?
Теперь зовут меня, а завтра, может, вновь...
Неверна их вражда! неверна их любовь...
Но я не изменю...

1822.

ОТРЫВОК.

Это оригинальное стихотворение осталось неоконченным. Пушкин изобразил в нем фантастическое появление перед Александром I, в последние годы его царствования, когда он был главою и оплотом монархической реакции во всей Европе.— призрака Наполеона I, олицетворяющего собою революцию; это видение приводит Александра I в ужас.

I.

Недвижный страж дремал на царственном пороге;
Владыка Севера один в своем чертоге.¹
Безмолвно бодрствовал, и жребии земли
В увенчанной главе стесненные лежали,
Чредою выпадали
И миру тихую неволю в дар несли.

II.

И делу своему владыка сам дивился.
„Се благо!“—думал он, и взор его носился
От Тибровых валов до Вислы и Невы,
От царскосельских лип до башен Гибралтара.²
Все молча ждет удара,—
Все пало: под ярем склонились все главы.

¹ *Владыка Севера*—Александр I; он сидит в своем кабинете («в своем чертоге»), на пороге которого стоит солдат («недвижный страж»), и горделиво вспоминает, как подавил в Европе все революционное движение.

² *Тибр*—река в Италии, *Гибралтар*—скала в Испании; иначе говоря, царь мысленно обозревал всю Европу.

III.

„Свершилось“, — молвил он. — „Давно ль народы
Паденье славили великого кумира? ¹ [мира

.

IV.

„Давно ли ветхая Европа свирепела?
Надеждой новою Германия кипела,
Шаталась Австрия, Неаполь восставал?
За Пиринеями давно ль судьбой народа
Уж правила свобода,
И самовластие лишь Север укрывал? ²

V.

„Давно ль? — И где же вы, зиждители свободы?
Ну что ж? Витийствуйте, ищите прав природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу!
Вот Кесарь, — где же Брут? ³ О, грозные витии,
Целуйте жезл России
И вас поправшую железную стопу!“

VI.

Он рек, и некий дух повеял невидимо,
Повеял и затих... и вновь повеял мимо.
Владыку Севера мгновенный хлад обьял;
На царственный порог вперил, смутясь, он очи;
Раздался бой полночи,
И се — внезапный гость в чертог царя предстал

¹ Великий кумир — монархизм. Эта строфа не была дописана Пушкиным.

² Описываются революционные движения начала XIX века.

³ Кесарь (Цезарь), древне-римский император, был убит заговорщиками — республиканцами с Брутом во главе, см. выше.

VII.

То был сей чудный муж, посланник провиденья,
Свершитель роковой безвестного веленья,
Сей всадник, перед кем склонялися цари,
Мятежной вольницы наследник и убийца,
Сей хладный кровопийца,
Сей царь, исчезнувший как сон, как тень зари.

VIII.

Ни тучной праздности ленивые морщины,
Ни поступь тяжкая, ни ранние седины,
Ни пламень гаснувший нахмуренных очей
Не обличали в нем изгнанного героя,
Мучением покоя
В морях казненного по манию царей.²

IX.

Нет, чудный взор его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдруг неотразимый
Как боевой перун, как молния сверкал;
Во цвете здравия и мужества, и мощи,
Владыке полунощи
Владыка Запада грозящий предстоял...
1823.

ЧЕРНОВОЙ НАБРОСОК

стихотворения о революции и Наполеоне I.

Этот черновой набросок совершенно не отделан Пушкиным, однако общая мысль уже ясна. Сначала поэт обращается к Наполеону, спрашивая, «чего, добра или зла, ты чудный был свершитель?» Далее следует ответ на этот вопрос. «Буря свободы» (Великая французская революция) низвергла алтари и троны. Она же породила Наполеона («муж меча»), который разнес ее идеи по всей Европе. Но с Наполеоном вернулся мир и разврат самовластия, палачи и т. под.

¹ Наполеон I.

² В морях—на острове св. Елены, куда был сослан Наполеон и где он умер, см. выше олу «Наполеон».

НАПОЛЕОН И РЕВОЛЮЦИЯ.

Зачем ты послан был и кто послал тебя,
Земли чудесный посетитель?
Зачем явился ты, рождая и губя,
Чего, добра иль зла, ты чудный был свершитель?..

Дрожали троны, алтари;
Над ними туча собиралась;
Вещали книжники, тревожились цари,
Толпа свободой волновалась...
Разоблаченные, пустели алтари,
Свободы буря подымалась,
И вдруг нагрянула...

Столпы упали в прах и в кровь,
Разбились ветхие скрижали...
Явился муж меча; рабы воспряли вновь,
Мечи, оковы зазвучали.

И гордо вновь прошел разврат;
Сердца застыли;
За злато брата продал брат;
Отечество рабы забыли.
Цари сказали: „Нет свободы!“
И им поверили народы.
Добро и зло все стало тенью;
Все было предано презренью
И всемогущим палачам...

.

НА ВОССТАНИЕ ГРЕКОВ. ¹

Восстань, о Греция, восстань!
Не даром напрягаешь силы,
Не даром потрясает брань
Олимп и Пинд, и Фермопилы. ²

Под сенью ветхой их вершин
Свобода древняя возникла,
Святые мраморы Афин,
Гроба Тезея и Перикла. ³

Страна героев и богов,
Расторгни рабские вериги,
При пенье пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги! ⁴

1823.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Пушкин хотел предпослать своему стихотворению следующее предисловие, которое, однако, осталось в свое время не напечатанным:

«Андрей Шенье погиб одной из благороднейших жертв Великой французской революции, на 31 году от рождения. Долго славу его составляли два или три стихотворения в древне-элегическом роде и ода «Молодая узница», несколько слов, сказанных о нем Шатобрианом и общее сожаление об утрате про-

¹ Написано в 1823 г., когда греки вели борьбу с турками, кончившуюся освобождением Греции.

² *Олимп, Пинд, Фермопилы*—горы в Греции, памятные в ее древней истории.

³ *Мраморы Афин*—значенитые создания древне-греческого водчества и ваянья. *Тезей и Перикл*—великие люди древней Греции.

⁴ *Тиртей* и *Риги*—поэты; первый—древне-греческий; второй—ново-греческий. *Байрон*—английский поэт, принявший участие в войне за освобождение Греции и умерший при осаде одного города.

них его стихов... Наконец, творения А. Шенье были отысканы и вышли в свет в 1819 году. Читая стихи давно умершего поэта, нельзя воздержаться от горестного чувства...» (Заметка осталась неопищенной).

Пушкин высоко ценил поэзию Шенье и много переводил из него (см. другие издания стихотворений Пушкина в «Народной Библиотеке»). В стихотворении, озаглавленном в печати «Андрей Шенье», а в рукописи — «Андрей Шенье в темнице», Пушкин изобразил самого поэта и вложил в его уста как бы его последнее стихотворение, в котором многое взято из подлинных стихов Шенье. Хотя А. Шенье и был казнен во время террора, он был ревностным деятелем революции и страстным поборником свободы народа. В этом духе написаны Пушкиным и стихи от лица А. Шенье.

В стихотворении рассеяно много намеков на события Великой французской революции, частью объясненные самим Пушкиным в примечаниях и в особом показании перед следственной комиссией. Дело в том, что часть стихотворения в свое время не была дозволена цензурой; но выпущенные стихи были представлены по начальству, как относящиеся к русской революции 1825 г. (попытка «декабристов»), и Пушкин был призван к ответу. Поэту пришлось объяснять, что его стихи «без явной бессмыслицы не могут относиться к 14 декабря». Тем не менее Пушкину было позднее сделано «строгое замечание». Это и понятно: хотя Пушкин, согласно со своими убеждениями, относился отрицательно к террору и террористам (Марату, Робеспьеру и др.), он, от лица А. Шенье, восторженно прославляет самую идею (мысль) свободы и народоправства.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ В ТЕМНИЦЕ

Меж тем как изумленный мир
На урну Байрона взирает,¹
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает,²

¹ Английский поэт Байрон умер в 1824 г.; стихотворение Пушкина написано в начале 1825 г.

² «Близ Данте» (Данте—великий итальянский поэт XIII в.), т. е. среди великих поэтов прошлых веков; на смерть Байрона писали стихи поэты всех народов.

Зовет меня другая тень,
Давно, без песен, без рыданий,
С кровавой плахи, в дни страданий,
Сошедшая в могильну сень.

Певцу любви, дубрав и мира,
Певцу возвышенной мечты
Звучит незнаемая лира,
Несу надгробные цветы.

Поднялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет.
Завтра казнь—привычный пир народу;
Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу,—
Не изменилась до конца!

(ПРЕДСМЕРТНЫЕ СТИХИ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ.)

Приветствую тебя, мое светило! ¹
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило;
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Рассеял пеплом и стыдом; ²
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу ³

¹ *Мое светило*—свобода, которая «восходила», как солнце, «в буре» революции.

² Говорится про взятие Бастилии, воспетое Андреем Шенье (Объяснение Пушкина.)

³ Клятва членов Учредительного собрания 1789 г. в зале для игры в мяч. (Объяснение Пушкина.)

И самовластию бестрепетный ответ; ¹
Я зрел, как их могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун ² предрек, восторга полный,
Перерождение земли.
Уже в бессмертный пантеон
Святых изгнанников всходили славны тени; ³
От пелены предубеждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: „блаженство!“
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей? ⁴ Убийцу с палачами
Избрали мы в цари! О ужас, о позор!.. ⁵

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! нет, не виновна ты:
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа —
Сокрылась ты от нас. Целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой..
Но ты придешь опять со мщением и славой, —
И вновь твои враги падут.

¹ Стает Мирабо Людовику XVI. (*Объяснение Пушкина.*)

² «Пламенный трибун» — он же, Мирабо. (*Объяснение Пушкина.*)

³ Говорится о перенесении праха Вольтера и Руссо в Пантеон, — бывшая церковь в Париже. (*Объяснение Пушкина.*)

⁴ «Мы свергнули царей», т.-е. Людовика XVI, казнённого в 1793 г. (*Объяснение Пушкина.*)

⁵ «Убийцу с палачами» — Робеспьера и Конвент (*Объяснение Пушкина.*)

Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Все ищет вновь упиться им;
Как будто Вакхом разъяренный,
Он бродит, жаждою томим.¹

Так, он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет,
И буря мрачная минет...

Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства:
Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Завтра казнь. Торжественной рукою
Палач мою главу подымет за власы

Над равнодушною толпою.

Простите, о друзья! Мой бесприютный прах
Не будет почивать в саду, где провождали
Мы дни беспечные в науках и в пирах,
И место наших урн заране назначали.

Но, други, если обо мне
Священно вам воспоминанье,
Исполните мое последнее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы—преступленье;
О брате сожалеть не смеет ныне брат.
Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
Стихи, летучих дум небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни²,

¹ Нектар (здесь — дар свободы), в мифах, — напиток богов; Вакхом разъяренный — в священном опьянении (Вакх — бог вина).

² Авель — один из друзей А. Шенье; Фанни — его возлюбленная. (Примечание Пушкина.)

Молю, найдите их; невинной музы дани
Сберите. Строгий свет, надменная молва
Не будут ведать их. Увы, моя глава
Безвременно падет: мой незрелый гений
Для славы не свершил возвышенных творений;
Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: „Это — он!
Вот речь его!“ А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь.. И, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и „Узница“ моя,¹
Уныла и бледна, стихам любви внимая“..

Но песни нежные мгновенно прерывая,
Младой певец поник задумчивой главой.
Пора весны его с любовью, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи,
И песни, и пиры, и пламенные ночи,
Все вместе ожило; и сердце понеслось
Далече... и стихов журчанье излилось:

„Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни сень,
Свободу и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость,
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах, друзей любимых друг,
Я сладко оглашал и смехом и стихами
Сень, охраненную домашними богами.

¹ „Узница“ — стихотворение А. Шенье. (Примечание Пушкина.)

Когда ж, вакхической тревогой утомясь
 И новым пламенем внезапно воспалюсь,
 Я утром, наконец, являлся к милой деве
 И находил ее в смятении и гневѣ,¹
 Когда с угрозами, и слезы на глазах,
 Мой проклиная век, утраченный в пирах,
 Она меня гнала, бранила и прощала,
 Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
 Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
 Я кинулся туда, где ужас роковой,
 Где страсти дикие, где буйные невежды
 И злоба, и корысть? Куда, мои надежды,
 Вы завлекли меня? Что делать было мне,
 Мне, верному любви, стихам и тишине,
 На низком поприще с презренными бойцами?
 Мне ль было управлять строптивыми конями
 И круто напрягать бессильные бразды?
 И что ж оставляю я? Забытые следы
 Безумной ревности и дерзости ничтожной!
 Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный,
 Ты, слово, звук пустой... О, нет!
 Умолкни, ропот малодушный!
 Гордись и радуйся, поэт:
 Ты не поник главой послушной
 Перед позором наших лет;
 Ты презрел мощного злодея;
 Твой светоч, грозно пламенея,
 Жестоким блеском озарил
 Совет правителей бесславных;²

¹ По обыкновению XVIII в., в стихах А. Шенье было много образцов из мифологии (религиозных сказаний) древних: музы—покровительницы искусства, домашние боги и т. под.; вакхический—пиршественный (*Вакх*—бог вина).

² См. стихи А. Шенье, озаглавленные «Ямбы». А. Шенье с ужил ненависть господствовавшей партии (террористов), так как преславлял Шарлотту Корде (убившую Марата), нападал на

Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных;
Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-Эмениду! ¹
Когда святой старик от плахи отрывал
Венчанную главу рукой оцепенелой,
Ты смело им обоим руку дал,
И перед вами трепетал
Ареопег остервенелый. ²
Гордись, гордись, певец! а ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи губя:
Ты все—пигмей, пигмей ничтожный
И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! Негодование
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя! ³

— — —
Так пел восторженный поэт.
И все покоилось. Лампады тихий свет
Бледнел пред утренней зарею,
И утро веяло в темницу. И поэт
К решетке поднял влажны взоры...

Колло д'Эрбуа, на Робеспьера. П'сьмо, которым король просил позволения у Конвента апеллировать к народу на смертный приговор, было составлено Андреем Шенье. (*Примечание Пушкина.*)

¹ Немезида, Марат, Эменида см. выше, примеч. к стихотв. «Кинжал».

² Ареопег остервенелый—Конвент.

³ Тиран—Робеспьер, руководивший Конвентом.

Вдруг—шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!
Звучат ключи, замки, запоры.
Зовут... Постой, постой! День только, день один:
И казней нет, и всем свобода,
И жив великий гражданин
Среди великого народа.¹
Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.
Но дружба смертный путь поэта очарует.²
Вот плаха. Он взошел. Он славу именует..³
Плачь, муза, плачь!..

1825.

¹ А. Шенье был казнен 8 термидора (осенний месяц по календарю республики), т.-е. накануне низвержения Робеспьера. (Примечание Пушкина.) Уже на следующий день назначенные казни были приостановлены.

² На роковой телеге везли на казнь вместе с А. Шенье и поэт Руше, его друга. В последние минуты они разговаривали о поэзии; после дружбы они считали ее прекраснее всего. Предметом этого их последнего разговора и восхищения был трагик Расин; они декламировали стихи из его трагедии «Андромаха». (Примечание Пушкина.)

³ На месте казни А. Шенье ударил себя в голову и сказал: «Все-таки у меня там кое-что было!» (Примечание Пушкина.)

ПОСЛАНИЯ.

Послания—как бы письма в стихах; особый род стихотворений, очень распространенный в годы, когда жил Пушкин.

К ЧААДАЕВУ. ¹

Любви, надежды, гордой славы
Недолго тешил нас обман:
Исчезли юные забавы,
Как дым, как утренний туман!
Но в нас кипят еще желанья:
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванья!
Мы ждем, с томленьем упованья,
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты сладкого свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души высокие порывы.
Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишет наши имена.

1818.

¹ *Петр Як. Чаадаев* (род. в 1793 г.—ум. в 1853 г.) был старшим другом Пушкина и в его юности, имел на него влияние,—особенно на развитие политических взглядов поэта. Позднее за огню напечатанную статью, вскрывавшую темные стороны русской жизни и самодержавия, Чаадаев подвергся преследованиям правительства и остаток жизни провел под строгим призором полиции.

ИЗ ПОСЛАНИЯ ДАВИДОВУ. ¹

Я стал умен и лицемерю:
 Пощусь, молюсь и твердо верю,
 Что бог простит мои грехи,
 Как государь мои стихи.
 Говееет Инзов, ² и намедни
 Я променял Вольтера ³ бредни
 И лиру, грешный дар судьбы,
 На часослов и на обедни
 Да на сушёные грибы.
 Однакож гордый мой рассудок
 Меня порядочно бранит,
 А мой ненабожный желудок
 Причастья вовсе не варит...
 Но я молюсь и воздыхаю,
 Крещусь, не внемлю сатане,
 А все невольно вспоминаю,
 Давыдов, о твоём вине!
 Вот евхаристия ⁴ другая:
 Когда и ты и милый брат,
 Перед камином надевая
 Демократический халат,
 Спасенья чашу наполняли
 Беспечной, мерзлую струей
 И за здоровье *тех и той* ⁵
 До дна по капле выпивали.

¹ В. Л. Давыдов—приятель Пушкина.

² Генерал Инзов—начальник Пушкина по службе в Кишинёве.

³ Вольтер—великий французский писатель XVIII в., резко высмеивавший смешные стороны религии.

⁴ Евхаристия—причастие.

⁵ Те—итальянские (неаполитанские) революционеры, так называемые карбонарии; та—революция в Испании. Пушкин в 20-х годах часто бывал в имении Давыдовых, Каменке, и за столом предлагал тосты за успех революционных движений.

Но *те* в Неаполе шалят,
А *та* едва ли там воскреснет.
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет...
Ужель надежды луч исчез?
Но—нет!—Мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей ¹ причастимся,
И я скажу: Христос воскрес!
1821.

ПОСЛАНИЕ В СИБИРЬ. ²

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье:
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Несчастью верная сестра,
Надежда, в мрачном подземелье
Пробудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас;

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут,—и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

1827.

¹ Кровавая чаша—революция.

² Послание написано к декабристам, сосланным в Сибирь; многие из них были близкими друзьями Пушкина. Стихи были своевременно переданы каторжникам-декабристам в Чите.

ДРУЗЬЯМ.

(Отрывок.)

Я льстец? Нет, братья, льстец лукав'
Он горе на царя назовет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.
Он скажет: „Презирай народ,
Гнети природы голос нежный!“
Он скажет: „Просвещения плод —
Разврат и некий дух мятежный!“
Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу! ¹

1823.

ДРУЗЬЯМ.

(Отрывок.)

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском море,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли! ²

1827.

ПЕТЕРБУРГ.

(Отрывок.)

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит.

1827.

¹ Николай I печатать эти стихи запретил.

² Последний стих обращен к декабристам-каторжникам.

III. ЭПИГРАММЫ.

НА АЛЕКСАНДРА I.

I.

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицом он бежал,¹
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фрунт герою надоел,—
Теперь коллежский он ассессор
По части иностранных дел.

1824.

II. ПЕРЕД БЮСТОМ АЛЕКСАНДРА I.

Напрасно видят тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку
И гнев на хладный лоск чела.
Не даром лик сей двуязычен;
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.²

1829.

¹ Аустерлиц (деревня в Австрии) см. примеч. к стихотв. «Наполеон».

² Арлекин—тип из народной итальянской комэдии: он появлялся на сцене в костюме, одна половина которого была одного цвета, другая—другого.

III. К ПАМЯТНИКУ АЛЕКСАНДРА I.

Всю жизнь провел в дороге
И умер в Таганроге.

1825.

СКАЗКИ.¹

(Noël).¹

Ура! в Ро́ссию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.

Мария в хлопотах Спасителя страшает:

„Не плачь, дитя, не плачь, сударь:

„Вот бука, бука—русский царь!“

Царь входит и вещает:

„Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.

О, радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я ел и пил, и обещал—
И делом не измучен.

„Узнай еще в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову² дам отставку,
А Соца³—в желтый дом;

¹ «Noël» (Нозль) — особенная форма шутливого стихотворения на Рождество.

² И. П. Лавров был начальником полиции.

³ В. И. Соц был секретарем комитета полиции.

Закон постановлю на место вам Горголи ¹

И людям все права людей
По царской милости моей
Отдам из доброй воли“.

От радости в постеле
Запрыгало дитя:
„Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?“

А мать ему: „Бай, бай, закрой свои ты глазки,
Пора уснуть бы, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки!“

1818.

ТЫ И Я. ²

Ты богат, я очень беден:
Ты прозаик, я поэт:
Ты румян, как маков цвет,
Я, как смерть, и тощ и бледен.
Не имея ввек забот,
Ты живешь в огромном доме;
Я ж, средь горя и хлопот,
Провожу дни на соломе.
Ешь ты сладко всякий день,
Тянешь вина на свободе,
И тебе нередко лень
Нужный долг отдать природе;
Я же с черствого куска,
От воды гнилой и пресной,
Сажень за сто с чердака
За нуждой бегу известной.

¹ И. С. Горголя был обер-полицеймейстером.

² Ты, это—Александр I; я—сам поэт.

Окружен рабов толпой,
С грозным деспотизма взором,
Афедрон ты жирный свой
Вытираешь коленкором;
Я же грешную...
Не балую детской модой,
И Хвостова жесткой одой, ¹
Хоть и морщуся, да тру.

1819.

НА А. Н. ГОЛИЦЫНА. ²

Вот Хвостовой покровитель, ³
Вот холопская душа,
Просвещения губитель,
Покровитель Бантыша! ⁴
Напирайте, Бога ради,
На него со всех сторон!
Не попробовать ли сзади?
Там всего слабее он.

1819.

¹ Гр. Хвостов—бездарный стихотворец.

² Князь А. Н. Голицын был министром народного просвещения; ханжа и лицемер, он всячески душил свободу преподавания и покровительствовал разным мистическим (извращенно-религиозным) обществам и собраниям, устраивавшимся баронессой Крюднер и др.

³ А. П. Хвостова—изуверка того времени, знатная дама, участница названных выше собраний у бар. Крюднер и внешней религиозностью прикрывавшая грубый разврат.

⁴ Последние стихи намекают на преступные (в нравственном отношении) склонности Голицына; в том же был позднее уличен на суде и В. Н. Бантыш-Каменский (племянник историка Малороссии).

НА ФОТИЯ. ¹

I.

Полу-фанатик, полу-плут.
Ему орудием духовным:
Проклятье, меч и крест и кнут.
Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких—
Полу благих, полу-святых.

II. ГРАФИНЕ А. А. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ. ²

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешной плотию
Архимандриту Фотию.

III. РАЗГОВОР ФОТИЯ С. ГР. ОРЛОВОЙ.

„Внимай, что я тебе вещаю:
Я телом евнух, муж душой“.
— Но что ж ты делаешь со мной?
„Я тело в душу превращаю“.

1819.

НА АРАКЧЕЕВА. ³

I.

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель,
И Совета ⁴ он учитель,
А царю—он друг и брат.

¹ Фотий был архимандрит м новгородского Юрьевского монастыря, известный своей крайне реакционной деятельностью.

² Гр. А. А. Орлова — одна из знатных дам, увлекавшаяся мистицизмом в том же духе, как Хвостова, см. выше.

³ А. А. Аракчеев был военным министром; деятельность его была в высш. степени стравительна.

⁴ Т.-е. Государственного Совета, который был вынужден принимать в расчет указания Аракчеева, человека совершенно невежественного.

Без ума, без чувств, без чести —
Кто ж он, „преданный без лести“? ¹
Просто фрунтовой солдат.

II.

Холоп венчанного солдата! ²
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата
Иль смерти немца Коцебу... ³

1820.

НА КАРАМЗИНА.

АВТОРУ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО.

В его „Истории“ изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

1819.

По другим спискам эта эпиграмма читается так:

На плаху истину влача,
Он показал нам без пристрастья
Необходимость палача
И прелесть самовластья.

¹ «Без лести преданный» — обычная подпись Аракчеева.

² Венчанный солдат — Александр I.

³ Герострат — грек, который, чтобы прославиться, сжег знаменитый храм. Коцебу — немецкий реакционер, убитый студентом Зандом, см. выше.

ПЕСТЕЛЮ. ¹

Снесем иль нет главу свою,—
Из полновесного стакана
Твое здоровье, Пестель, пью,
И рвусь и злюся на тирана...
1821.

ОБ ЕКАТЕРИНЕ II.

(Отрывок.)

Насильно Зубову мила,
Старушка дряхлая жила
Приятно, по наслышке—блудно,
Писала прозой, флоты жгла,
С Вольтером лучший друг была. ²
И умерла—сядась на судно.
И с той поры в России мгла...
Россия бедная держава:
Ее удушенная слава
С Екатериной умерла.
1824.

НАДПИСЬ

К ВОРОТАМ ЕКАТЕРИНГОФА.

Хвостовым некогда воспетая дыра,
Провозглашаешь ты природы нашей скупость,
Самодержавие Петра
И Милорадовича тупость. ³
1834.

¹ П. И. Пестель (1792—1826 г.)—декабрист, республиканец по убеждениям, сыгравший огромную роль в освободительном движении и царским правительством повешенный. Тиран—Александр I.

² П. Н. Зубов—фаворит Екатерины в последние годы ее жизни. Вольтер—см. выше.

³ Хвостов—бездарный стихотворец, см. выше; гр. М. А. Милорадович—петербургский генерал-губернатор (убит в день восстания, 14 декабря 1825 г.).

IV. ОТРЫВКИ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ.

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ „ЛИЦИНИЮ“.

Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокой,
И путник, устремив на груды камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
„Свободой Рим возрос, а рабством погублен!“
1815.

О СЕБЕ.

К Дельвигу. ¹

Ты знаешь, я в минувши годы,
У берегов Кастальских вод, ²
Любил марать поэмы, оды;
Ревнивый зрел меня народ
На кукольном театре моды.
Поклонник правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для иных „не Русью пахнет“. ³
О чем цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковский ⁴ ахнет!
1821.

¹ А. А. Дельвиг — известный поэт, друг Пушкина. См. о нем в издании «Народной Библиотеки» книжку: «Песни поэтов Пушкинского времени».

² Кастальский источник (у горы Олимпа) был в древности посвящен музам (т.-е. поэзии).

³ Т.-е. было недостаточно монархично и нед. стат.чно православно.

⁴ Тимковский — цензор, известный своею тупостью.

ПУШКИН В МОЛДАВИИ.

Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на берега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал
И ни единый друг мне в мире не внимал,
Но не унижил ввек изменой беззаконной
Ни гордой совести, ни лиры непреклонной.

1821.

ИЗ ПОЭМЫ „КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК“.

Свобода! Он одной тебя
Еще искал в подлунном мире,
Страстями сердце погубя,
Охолодев к мечтам и лире.
С волнением песни он внимал,
Одушевленные тобою,
И с верой, пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал!

1821.

ИЗ ПОЭМЫ „ГАВРИЛИАДА“.

И ты, господь, познал ее волненье,¹
И ты пылал, о боже, как и мы?
Создателю постыло все творенье,
Он сочинял любовные псалмы,
И громко пел: „Люблю, люблю Марию,
В унынии бессмертие влачу...
Где крылья? К Марии полечу,
И на груди красавицы почию!“
И прочее, все, что придумать мог:
Творец любил восточный, пышный слог.
Потом, призвав любимца Гавриила,
Свою любовь он прозой объяснял.

¹ Волненье любви.

Беседы их нам церковь утаила,
Евангелист немного оплошал.
Но говорит армянское преданье,
Что царь небес, не пожалев похвал,
В меркурии ¹ архангела избрал,
Замета в нем и ум и дарованье,
И вечерком к Марии подослал...
Архангелу другой хотелось чести!
Нередко он в посольствах был счастлив,
Переносить записочки да вести
Хоть выгодно, но он—самолюбив.
И славы сын, намеренье сокрыв,
Стал нехотя услужливый угодник
Царю небес .. а по-земному—сводник...
Хлопочет он. Всъезженный между тем
На небе сам сидел в унынье сладком,
Весь мир забыл, не правил он ничем,
И без него все шло своим порядком.
1821.

ИЗ ПОЭМЫ „ЦЫГАНЫ“.

(Из песни Алеко, ² над колыбелью сына)

Прими привет сердечный мой,
Дитя любви, дитя природы,
И с даром жизни молодой
Неоцененный дар свободы!
Расти на воле, без уроков,
Не знай стеснительных палат,
И не меняй простых пороков
На образованный разврат!

1824.

¹ Меркурий, у древних,—посол богов.

² Алеко—герой поэмы, покинувший образованное общество, чтобы жить «на воле» с цыганкой Земфирой, в ее таборе, где у них и родится сын.

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

(Из послания „К вельможе“).

Все изменилось. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,¹
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотиною Версаль и Трианон,²
И мрачным ужасом³ смененные забавы
Преобразился мир при громах новой славы!
1830.

ИЗ РОМАНА «ЕВГЕНИИ ОНЕГИН».

I.

(Представители «высшего общества»)

Тут был князь Меншиков, женатый
На кукле чахлой и горбатой
И семи тысячи душах;⁴
Тут был при всех своих звездах.
Прависин, цензор непреклонный,
(Недавно грозный сей Катон⁵
За взятки места был лишен!)
Тут был еще сенатор сонный,
Проведший с картами свой век,—
Для власти *нужный* человек.
1830.

¹ Фурии—то же, что эвмениды, богини возмездия.

² Версаль и Трианон—дворцы французских королей: намеки на казнь короля, королевы и их приближенных.

³ Ужас—буквальный перевод слова «террор»; см. примеч. к стихотв. «Андрей Шенье».

⁴ Т.-е. взявший в приданое имение с 7.000 крепостных крестьян.

⁵ Катон, в древнем Риме, в должности цензора (блюстителя нравов), сурово преследовал разврат своего времени.

II.

(Из 10-ой, сожженной автором, главы.)

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.¹
Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двухглавого щипали
У Бонапартова шатра.
Гроза двенадцатого года
Настала,—кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?²
Но бог помог, стал ропот ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже
И русский царь—главой царей.

.....
Тряслися грозно Пиринеи³,
Вулкан Неаполя пылал,⁴
Безрукий князь друзьям Морей
Из Кишинева уж мигал...⁵
„Я всех уйму с моим народом!“
Наш царь в покое говорил...
.....

¹ Т.-е. Александр I.

² *Гроза 12-го года*—война с Наполеоном 1812 г. *Барклай де-Толли*—главнокомандующий русской армией до Кутузова.

³ Испанская революция.

⁴ Неаполитанская революция.

⁵ *Восстание греков* в Морее, которому помогал однорукий князь Ипсиланти из Кишинева, где жил тогда Пушкин. Ср. выше «Послание Давыдову» и «Отрывок» («Недвижный страж...»).

Потешный полк Петра-титана,
Дружина старых усачей,
Предавших некогда тирана ¹
Свирепой шайке палачей,—
Россия присмирела снова,—
И пуще царь пошел кутить...
Но искры пламени иного
Уже издавна, может быть...

1820.

Под «иным пламенем» Пушкин разумеет освободительное движение в России 1820-х годов, кончившееся революцией 14 декабря 1825 г. Далее сохранились лишь отрывочные строки, изображающие декабристов; среди этих строк можно, в черновом наброске, прочесть:

Там Пестель ² доставал кинжал
И, рать... набирая,
Холоднокровный генерал
В союз свободы вербовал...
Исполнен дерзости и сил,
Порыв событий торопил...

Там Кюхельбекер... ²
Читал с ои стихотеоренья...
Как обреченный, обнажал
Цареубийственный кинжал...

Одну Россию в мире видя,
Лелея в ней свой идеал,
Хромой Тургенев ² им внимал,
И, слово «рабства» ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян...

Везде беседы недовольных...
И постепенно сетью тайной
Россия...

¹ Тиран—Пагел I; см. оду «Вольность».

² П. И. Пестель, В. К. Кюхельбекер, Н. И. Тургенев—декабристы.

V. СТИХИ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ПУШКИНУ.

Эпиграммы, следующие далее, ходили в списках под именем Пушкина еще при его жизни и печатались в заграничных изданиях (Н. Озерова «Русская истинная литература», Лондон, 1861 г., и др.). Большинство этих стихотворений вряд ли принадлежит Пушкину, но показывают, чего современники от него ожидали.

1.

В России нет закона,
А столб, и на столбе корона.

2.

Народ мы русский позабавим,
И у позорного столба
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

3.

Друзья, не лучше ли на место фонаря,
Который темен, тускл, чуть светит в непогоду,
Повесить нам царя?
Тогда бы стал светить луч пламенный — свободы!

4.

Желали прав они, — права им и даны:
Из узких сделали широкие штаны.

Но другим спискам, эти стихи читаются так:

Сказал господь: «Мои сыны,
Законы будут вам даны:
Я возвращу вам дни златые
Благословенной старины!» —
И обновления Россия
Надела с выпушкой штаны...

5. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОЛОННА.

В России дышит все военным ремеслом:
И ангел делает на караул крестом.

6. НИКОЛАЮ I.

Великий государь,
Ты наших бед виновник:
Хотя плохой ты царь,
Зато лихой полковник.

7. К НЕМУ ЖЕ.

Едва царем он стал—
И разом начудесил:
Сто двадцать человек тотчас в Сибирь послал,
Да пятерых повесил.¹

8.

Он добрый малый, брат сестрицын,
Он не был зол ни для кого..
Скажите правду, князь Голицын,²
Уж не повесят ли его?

9.

Встарь Голицын мудрость весил,
Гурьев грабил весь народ,
Аракчеев куралесил,³
Царь же ездил на развод.
Ныне Ливен мудрость весит,
Царь же вещает народ,
Рыжий Мишка куралесит,⁴
И попрежнему—развод?⁵

¹ Из декабристов были повешены: Пестель, Муравьев Апостол, Бестужев-Рюмин, Рылеев, Каховский.

² А. Н. Голицын см. выше. Смысл эпиграммы: в наши дни достаточно быть добрым малым, чтобы быть повешенным. Намека на казни 1826 г.

³ Голицын—министр народного просвещения при Александре I. см. выше; Гурьев—министр финансов; Аракчеев—военный.

⁴ Ливен—министр народного просвещения при Николае I; Мишка—брат Николая I, Михаил Павлович.

⁵ Развод, т. е. смотр войскам, до которого большие охотники были и Александр I и Николай I. Эти смотры были жестоким мучением для солдат.

СОДЕРЖАНИЕ.

Валерий Брюсов. Политические взгляды Пушкина. Краткий очерк.

I. Оды и стихотворения.

Стр.

Вольность. Ода	9
Деревня	13
Кинжал	15
Наполеон	17
Вадим	22
Отрывок	23
Черновой набросок	25
На восстание греков	27
Андрей Шенье.	—

II. Послания.

К Чаадаеву	36
К Дельцову	37
Послание в Сибирь	38
Друзьям	39
Друзьям. Отрывок	—
Петербург. Отрывок	—

III. Эпиграммы.

На Александра I. I—III	40
Сказки	41
Ты и я	42
На А. Н. Голицын	43
На Фотия. I—III	44
На Аракчеева. I—II	—
На Карамзина	45
Пестелю	46
Об Екатерине II	—
Надпись к воротам Екатерингофа	—

IV. Отвертки.

Стр.

Из стихотворения «Лициний»	47
О себе. К Дельвигу	—
Пушкин в Молдавии	48
Из поэмы «Кавказский пленник»	—
Из поэмы «Гаврилада»	—
Из поэмы «Цыганы»	49
Великая Французская Революция	50
Из романа «Евгений Онегин»	—
I. Представители «вышнего общества»	—
II. Из 10-ой, сожженной, главы	51

V. Стихи, приписываемые Пушкину.

В России нет закона	53
Народ мы русский позабавим	—
Друзья, не лучше ли?	—
Желали прав они	—
Александровская колонна	—
Николаю I	54
К нем. же	—
Он добрый малый	—
Встарь Голицын мудрость весил	—

См. еще стихи Пушкина в гзд. «Народной Библиотеки» под той же ред.: «Русские народные песни, записанные Пушкиным», «Стихотворения 1815—1836 гг.», «Стихотворения о разных странах», «Песни и стихотворения разных народов».

Пушкин, Александр Сергеевич
Академик наук Союза ССР
Библиотека
Инв. № 4054

17

755

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА.

ВЫШЛИ В СВЕТ:

	ЦЕНА.
А. С. ПУШКИН. Песни и стихи о разных народах	2 » — »
„ Стихотворения о разных странах	2 » — »
„ Стихотворения о свободе	2 » — »
„ Стихотворения 1815—1836 г.	2 » — »
Л. Н. ТОЛСТОЙ. Чем живи мыши	1 р. 20 к.
„ Рассказы, кн 1-ая	1 » 75 »
„ Холстомер	1 » — »
„ Поезд бала. Две истории улья	1 » 50 »
„ Детские рассказы	1 » 50 »
А. П. ЧЕХОВ. Веселые рассказы	2 » 50 »
„ Недалекая Русь	1 » 50 »
„ Мушкетеры. Темнота	1 » 50 »
„ Все живые	1 » 50 »
М. Ю. ЛЕРМОНТОВ. Тамара	— » 40 »
„ Фаталист	— » 40 »
Г. Н. УСПЕНСКИЙ. Про счастливых людей	— » 50 »
„ Парамон Юродимый	— » 50 »
„ Невалячий	1 » 50 »
„ Будда	— » 50 »
В. А. ЖУКОВСКИЙ. Стихотворения	1 » 20 »
Ф. И. ТЮТЧЕВ. Избранные стихотворения	— » 80 »
В. М. ГАРШИН. Красный цветок	— » 80 »
„ Рассказы о войне	1 » 20 »
А. Н. ЛЕВИТОВ. Азовский погон	1 » 20 »
Ф. И. РЕШЕТНИКОВ. Рассказы	— » 80 »
А. Н. ПЛЕЩИНСКИЙ. Стихотворения	1 » 20 »
Н. С. ТУРТЕНКОВ. Песни	— » 40 »
„ Муму	2 » — »
Н. УСПЕНСКИЙ. Рассказы	— » 80 »

В ближайшее время выйдет ряд новых изданий.

С запросами и заказами следует обращаться в книжные склады
Государственного Издательства;

Москва, Тверская ул., 28, уг. Советской площ., и Тверская, 11.
Петроград, Фоминская, 61.